

Андрей Флибер

Хромированные сердца

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84
Ф72

Флибер А.

Хромированные сердца / А. Флибер — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2020. — 240 с.

ISBN 978-5-532-07100-1

Перед вами сборник короткой современной прозы. Это книга о вечной любви и одиночестве, свободе и смерти, радости и ужасе, сексе и насилии, свободе, мокрых мостовых дождливого города, людях и их душах. Сборник историй, которые происходили или происходят с вами прямо сейчас. Истории таких же людей как и вы. Содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-532-07100-1

© Флибер А., текст, 2020
© Omiko Trading LTD., оформление, 2020

Оглавление

Песни вечного города мертвых	
Ольга	
Тонущий в океане кисок	
Обратная петля	
Чуть-чуть	
Карма вечера четверга	
Лисья пастурель	
Парад скелетов	
Бархатная удавка похоти	
Клавиши из красного мяса	
И я бежал дальше	
Кафка из слива	
Ночь колоссов	
На крыльях слез и ветра	
След стального стрижа	
Весна в концлагере души	
И тут все меняется	
День, когда старик умер	
Новогодняя рапсодия	
Французский завтра	
Капли дождя по крыше святости	
Ветер в твоих волосах	
Осень сжигала город	
И лампа погасла в ночи	
Снегирь, которого ты задушил в руке	
Остервенелая октава	
Только молодые умирают молодыми	
То, что происходит между нами, похоже на любовь из кинофиль-	
мов	

Песни вечного города мертвых

Когда темнота станет прозрачной и морской туман упадет на город – я возьму бутерброды и пойду на пристань. Город тихо спит в темной истоме прохладного утра. Пустые улочки шепчут каплями тумана на стенах домов. Пар вырывается изо рта, унося с собой часть моего тепла. Портовые собаки, завидев меня издалека, радостно бросятся ко мне и будут ласкаться, боязливо поджав хвосты и заглядывая в глаза. Я поглажу каждую и отдам им бутерброды, как и каждое утро, что я ухожу в море. Собаки, чувствуя разлуку, немного покусывают, тыкаясь головами в ладонь и облизывая руку. Когда я пойду дальше – одна, как всегда, все чувствуя, несильно схватит меня за штанину, не пуская. Я сяду в лодку и буду грести, пока линия моря не скроется из видимости, пока я не достигну места с предупредительным буем. Я достану консервную банку и исполосую себе руки. Опустив их в морскую воду я буду ждать, пока море заполнит меня и я усну. Когда я открою глаза – я увижу тебя на берегу вечного города мертвых, ждущей меня с кроткой улыбкой. На том же месте, что и всегда.

Ее груди качнулись в последний раз и она тяжело дыша опустилась на мою грудь. Я прижал ее и поцеловал. Волосы пахли пылью и пылью.

– Не нюхай мои волосы. – Она подняла голову.

– Я так скучаю по тебе.

Она посмотрела на мои запястья.

– Больно каждый раз?

– Как в первый.

Она поцеловала незаживающую россыпь шрамов на моих руках, несколько соленых холодных слезинок упали в свежие раны и я сжал зубы от боли. Дождь шумит за окном, ручьи воды текут по боковым желобам каменной мостовой. Мы идем на угол к Зандеру и я смотрю как она ест еду мертвых, серую и твердую как камень. Я посматриваю на небо, в ожидании знака. Уже скоро. Зандер привык ко мне, но все еще смотрит с некоторой неприязнью. Мертвые быстро забывают свою прошлую жизнь. Я смотрю как она ест. Когда-нибудь она тоже забудет, забудет кем была и забудет меня.

В отвсетах городских факелов Зандер поднял палец. Ночной воздух наполнялся звоном колокола.

– Слышишь?

Я кивнул и посмотрел на небо. Холмы над городом уже начали вспыхивать пурпурными всполохами. Небо начало светать.

– Мне пора.

Она сжала мои руки. Как всегда, она спрашивает один и тот же вопрос.

– Ты же вернешься?

"Каждый день, пока ты меня не забудешь"

Я поцеловал ее руки, такие холодные.

– Конечно.

– Икхаа. – Сказал Зандер, будто я мог забыть про него.

Я слышал как пес-хранитель города мертвых спускается с холмов. Я больше не мог находиться здесь, скоро все мосты будут в огне. Мы вышли к пристани и я сел в лодку. Она смотрела на меня так, что сердце рвалось на куски. Я доплыл до места перехода в мир

живых. Перед тем, как порезать себе руки, я посмотрел на нее на пристани. Икхаа, огромный как гора, сидел рядом и скалился мне.

Я пришел в себя в лучах заката. Голова пульсировала уколами боли, руки были от едкой соленой воды. Я налег на весла и поплыл к пристани. Город переливался вечерними огнями, в нем кипела жизнь.

Недалеко от пристани стоит маяк, где мы устраивали с ней пикники. Она плакала каждый раз, когда солнце опускалось в море и дымка падала на горы позади нас. Она была красива только когда плакала.

Я пришвартовал лодку и отправился в кафе, на улице Тюльпанов, в десяти минутах от пристани, желудок крутило в пароксизме голода. Я вошел и охранник устремился ко мне.

– Эй, не трогай, пропусти. – Крикнул ему с кассы бармен. Охранник вопросительно посмотрел на него и отошел.

Я кивнул головой бармену, он налил мне большой стакан рому, и я сразу ополовинил его. Когда еда была готова – я поел и пошел домой. Моя квартира выглядит нежилой и насквозь провоняла пылью. После ее смерти она пуста и пугающая. Я допиваю ром и ложусь спать, в ожидании завтрашнего дня с ней.

– Я умру, когда ты забудешь меня.

– Я не забуду. – Говорит она, но я уже замечаю, как воспоминания о жизни уходят от нее.

Вчера она спросила была ли у нее собака. Я сказал, что была.

– Так странно. – Ветер развеивает ее волосы и она похожа на испуганную птицу. – У меня последние дни была навязчивая мысль, которую я не могла понять.

Она берет меня за руку пониже локтя, как если бы не знала о том, что у меня свежие шрамы. Я морщусь и беру ее ладонь в свои.

— А потом вечером пришел Икхаа, и я подумала: "Блин, надо покормить собаку". — Она виновато улыбается. — И имя всплыло, то ли Кивос, то ли Чавес.

— Чаус.

— Точно!

Я вижу по ее глазам, что она все понимает. Когда оттуда выкатывается слеза, я прижимаю ее к себе. Тонкий убывающий месяц луны мертвых медленно выплывает из-за гор. Он напоминает, что всему приходит конец даже после смерти. Смерть это не предел.

Сегодня на море шторм. Корабли торговцев янтарем не заходят в порт и качаются на волнах чуть поотдаль. Мы стоим на маяке, ветер развивает ее волосы, совсем так же, как в мире живых.

Сколько месяцев назад это было, пять? Я совсем потерял счет времени в этой бесконечной ночи.

— Они сказали, что мне осталось пара недель. — Сказала она тогда.

Уже тогда она жива с неотпускающей болью. Я с грустью наблюдал, как ее глаза выцветали из-за болеутоляющих. Чем ближе к концу, тем меньше она их употребляла.

— Тебе же больно.

— Я не хочу быть овощем в наши последние дни.

Она сохранила свои волосы, отказавшись от бесполезных уже попыток вылечиться.

Мертвый ветер развеивает их и я не могу на нее наглядеться. Мы одни на маяке, остальные жители города мертвых слишком брезгают и боятся приближаться к живому.

Ее рука проходится по волосам, потом ложится на кулон на груди. Она озадаченно смотрит на него, потом узнает и сжимает в руке.

Крики торговцев янтарем доносятся сквозь грохот бьющихся о скалы волн.

Она лежала в кушетке, время от времени дергаясь от боли. Все ее руки испещрены воспаленными уколами от капельницы. Она уже почти не приходит в себя, только ее палец судорожно и безостановочно продолжает жать на кнопку подачи морфия капельницы, в бесполезном пароксизме ослабить боль.

– Обещай мне это! – Она кричит.

– Прости, я не могу. – Я могу говорить только шепотом.

– Обещай мне это! – Она начинает лупить меня по лицу. – Обещай, если любишь меня!

Я закрываю лицо ладонями и больше не могу сдерживаться, слезы катятся по лицу.

– Обещаю. – Еле слышно выдавливаю я.

Она несколько секунд смотрит на меня и уходит. Я сижу до самой ночи, закрывая лицо руками. Когда я поднимаю голову, то вижу большой угасающий серп уходящей луны. Серебряная дорожка бежит по поверхности моря.

Возле ее кушетки время больше не идет, а бежит как дикий мустанг.

ТАК ТАК ТАК ТАК ТАК

Последнюю неделю я слышу как тикают часы. Я слышу этот звук отовсюду, от стучит в стенах, в небе, в моей голове, от него невозможно убежать. Я услышал его первый раз той ночью, когда пообещал ей. Ночью я проснулся от этого стука, хотя у меня дома нет часов. Звук было еле слышен, как скребущаяся под полом мышь. Теперь же, сидя у ее постели, я слышу, как он барабанным боем пульсирует в самих моих ушах. Это ее часы смерти.

Но, перебивая весь этот ужасный стук, еще громче я слышу ту ее просьбу.

"Пообещай, что поможешь мне уйти, когда я перестану приходить в сознание"

В городе мертвых идет дождь. Тягучие капли черной патокой падают в красную уличную пыль. В храме мертвых, на склоне горы, монотонно звонит колокол и жрецы смерти склонились над свитками в бесконечной медитации. Я стою у входа, мне не разрешается входить в святилище смерти, наблюдая за ними. Черная слезь стекает по моей голове и плечам. В каждой капле дождя плавают частицы пепла из вечно извергающегося вулкана. Он махиной сядет за холмами, огромным черным столбом серы закрывая небо по ту сторону. Жрецы открывают отверстие в крыше, чтобы вода стекала по желобам в специальную белую чашу в середине залы. По полу тут и там бегают многоножки и скалапендры вечной жизни, переливаясь своими хитиновыми панцирями. Они сплетаются друг с другом, обвиняют жрецов и пьют воду из белой чаши. Я стою у порога, слышу колокол в башне храма, но если пересечь порог, то все звуки пропадут и наступит полное безмолвие. Смерть – это тишина.